

№ 66

ЦЕНА 10 ЦЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

МАЙ.–ДЕКАБРЬ 1931	Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу: „DIELO TROUDA", 807 N. FAIRFIELD AVE., CHICAGO, ILL.	7-ой год издания

ИТОГИ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЛЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА.

Безостановочно движется время. Текут годы сплошной чередой. Прошлое отходит в глубокую даль. Безжалостное, слепое время стирает различия прожитых дней, делая их однородной массой. Но в жизни народов и в жизни отдельных лиц имеются дни, над которыми время не власт но. Такие дни, как дни октябрьской революции, не могут быть стерты временем, не могут быть шаблонизированы им. Только со смертью той огромной массы русского народа, которая пережила эти дни, воспоминание о них потускнеет, потеряет первоначальную яркость, живость, красочность и то особое волнующее чувство, которое охватывает каждого, когда события этих дней встают в памяти. Четырнадцать лет минуло с тех пор, а воспоминания так живы, так ярки, что даже не верится, что время так далеко отодвинуло от нас эти торжественные и священные дни, дни величайшего перелома в жизни огромнейшей страны, в жизни международного пролетариата.

В памяти встают картины за картинами. Их яркость, драматизм и глубочайшее содержание наполняют душу священным трепетом, волнуют особыми непередаваемыми чувствами... И в тоже время, по мере приближения к настоящему, рождается печаль, горечь, щемящее сердце чувство. Душа дрожит, как натянутая струна при дуновении ветерка... И это так естественно, когда мысленно проходишь путь от 1917 года к 1931-му. Какое великое начало, какие великие цели и дела — мы штурмовали мир и небо! — и какой подлый конец с подлыми результатами!

В феврале (в марте по новому стилю) 1917 года рабочие и крестьяне России, одетые в солдатскую шинель, восстали против самодержавия царя и аристократии; они свергнули их во имя хлеба, мира и свободы. Однако, они скоро сознали, что при буржуазии, занявшей место аристократии, не может быть ни мира, ни хлеба, ни свободы. В короткое время рабочие убедились, что буржуазия — война, эксплоатация с нищетой и голодом, свобода на словах и рабство на деле.

И как только это сознание пришло, пришло и дело. Несмотря на тягчайшую, запутаннейшую обстановку, вопреки воплям «благоразумных» о несвоевременности коренного решения социального вопроса, рабочие и крестьяне, толкаемые

неотвратимой логикой исторического развития страны, совершили новую революцию, революцию против буржуазии и буржуазного социал-либерализма; они наполнили ее социальным содержанием, поставив в центре ее требование хлеба, воли и неограниченного права на строительство новой жизни. Перед удивленными народами мира развернулась дивная картина, очарования которой еще многими владеют до сих пор, хотя современная действительность России не имеет ничего общего с тем временем.

Что нужно угнетенным и эксплоатируемым классам для человеческого существования? Что необходимо вообще людям для свободной и нравственной жизни? — Свобода, основанная на экономическом равенстве, ибо всякая другая свобода есть ложь, обман, мираж. Только на почве экономического равенства могут возникать общественные учреждения и институты, обеспечивающие свободу каждого, право каждого на непосредственное, прямое участие в строительстве жизни и на пиру жизни. Вне этого и без этого нет свободной и нравственной жизни без эксплоатации человека человеком, без власти одного над другим. Свобода — дочь равенства; без равенства и свободы нет нравственности. Поэтому социальная революция, стремящаяся к экономическому равенству и свободе, — явление высоконравственное. Только высоконравственные дела могут поднять и воодушевить огромные массы, только они способны зажечь их огнем энтузиазма и двинуть на великие, геройские подвиги. Вот почему так жалки были попытки сопротивления буржуазии и ее прихвостней в начале октябрьской революции. Сила сопротивления буржуазии росла пропорционально аморализации революции, пропорционально растлению ее духа диктатурой, самовластьем и произволом, пропорционально кастрации из нее элементов экономического равенства и свободы, т. е. человеческой нравственности.

Буржуазный строй в высшей степени безнравственный, несправедливый; он держится и продолжает существовать только благодаря грубой физической силе темных и малосознательных масс; но как только луч сознания проникнет в их темные души, наступит конец буржуазного строя. Общественный порядок, существующий благодаря физической силе и жестокости — безнравственен, ибо в основе его лежит эгоизм, грубый эгоизм господствующих классов и подавление естественных прав трудящихся масс.

Современный режим в России и современные порядки в ней нельзя назвать буржуазными, еще менее социалистическими или коммунистическими. Это строй деспотический, т. е. самый безнравственнейший из всех режимов, которые только имели мы. Именно, по этой причине он самый жестокий, наиболее угнетательский и развращающий. Без физической силы, без террора, без подавления самых элементарных свобод он существовать не может, — малейшее послабление в этой области и он погиб.

Как могло случиться, чтобы социальная революция выродилась в деспотизм? Как могло случиться, что народные массы, раздавив бешенное сопротивление тех, которые подняли меч во имя защиты безнравственного принципа, безнравственного режима, — основа которых философия неравенства, в свою очередь оказались раздавленными людьми, оказавшимися в такой же степени безнравственными? Что за каприз истории? Что за странная логика событий?

Однако, мы здесь не усматриваем ни каприза истории, ни странности ее логики. То, что случилось, подготовлено было всей историей развития страны, мы бы сказали, не только историей развития одной страны, России, но всей историей и характером развития мировой культуры и цивилизации за последние 300-400 лет. Ведь никто не скажет, что государственный социализм и коммунизм — продукт русской истории. Никто не будет отрицать того факта, что в цивилизации по-

следних веков преобладало преклонение перед государством, его обоготворение и вера в него, как в орудие освобождения, несмотря на его безнравственную природу. Люди думали достигнуть нравственности, т. е. свободы и экономического равенства, безнравственным путем, через государственное рабство и неравенство.

А ведь все это было социальной религией огромной части организованного пролетариата всего мира. Россия не была исключением. После гибели в России антигосударственного освободительного движения 70-х годов, его сменило движение, содержанием которого было государство и диктатура. На протяжении почти сорока лет им отравляли сознание трудящихся масс социалисты государственники. Поскольку конечные цели государственного социализма совпадали в теории со стремлениями трудящихся масс, поскольку государственный социализм облачался в мантию свободы, постольку он становился религией пролетариата. И когда революция сбросила с трудящихся вековые цепи деспотизма и освободила от возможного буржуазного господства, когда она в своем движении творила живой, народный, так сказать, социализм, то она нашла поддержку в государственном социализме, в лице наиболее энергичной и решительной фракции — в большевиках. Помимо общих исторических факторов, большевики стали ее возбудителями и старались идти во главе ее. Они, поэтому, в глазах огромной массы трудящихся срослись с ней, стали ею и благодаря этому установилось понятие, что большевики — революция и революция — большевики. В сознание трудящихся масс это было слито воедино, несмотря на полярно противоположные характеры революции и большевиков. Благодаря этому обстоятельству они получили полную свободу развязанных рук, ограничивая ими постепенно, но неуклонно, свободу и самодеятельность трудящихся масс; постепенно укрепляя диктатуру, при содействии тех же масс, они растлевали душу революции.

Если бы это растление кончилось «нэпом» не в 1921 году, а в годы обостренной гражданской войны, то можно определенно утверждать, что революция была бы раздавлена не коммунистами, а белыми; но так как к этому времени процесс нравственной кастрации революции не был закончен, то революция еще имела элементы нравственности, т. е. свободы и экономического равенства, а главное, что трудящиеся имели еще надежду на свободное развитие и строительство жизни в направлении свободы и равенства после гражданской войны, этим судьба белых была предопределена. Таким образом, революция была побеждена не извне, а изнутри. Внутренними врагами революции оказались те, кто организовал энтузиазм народных масс для победы в гражданской, открытой войне. Когда кончилась гражданская война, то трудящиеся оказались связанными по рукам и ногам. Не протестуя достаточно энергично в свое время против убиения свободы, против ограничений, против всевозможных регламентаций, не протестуя против замены федерализма централизмом, самодеятельности опекой, не протестуя против террора и т. д., потому что все это как бы вытекало из железной необходимости защиты революционных завоеваний, трудящиеся в результате потеряли даже те завоевания, которые они сделали еще при царизме. Таким образом, государственный социализм прикрываясь нравственными целями, к которым шел безнравственными путями, погубил народную революцию, революцию, несшую свободу и экономическое равенство, революцию, начавшую строить на основе экономического равенства учреждения и институты, обеспечивающие свободу, и утвердил безнравственность, т. е. неравенство и государственное рабство.

Это торжество безнравственности, или, как говорят, банкротство русской революции, имело (и продолжает иметь еще) огромное отрицательное влияние на международное рабочее движение. Обнаружившийся деспотический характер государственного коммунизма, марксизма, по-

родил реакцию в рабочем движении и мировой фашизм в политике, а Россию погрузил в небывалую в истории реакцию, превратил страну в огромную тюрьму, отбросил ее на много веков назад, ко временам феодализма и крепостничества. Большевизм отнял все то, что в течении столетий путем страшной борьбы и великих жертв было отвоевано от церкви, феодализма, крепостничества, абсолютисткого и демократического государства. Он отнял от населения все элементы, без которых невозможен прогресс, невозможно никакое поступательное движение вперед. В самом деле, подведем итоги большевистского режима и посмотрим возможен ли при нем прогресс.

Прежде всего нам бросается в глаза срощение партии с государством, подобно средневековому срощению церкви с государством. Это срощение создало чудовищное государство-партию, партию-государство с чудовищной централизацией и регламентацией, — все зависит от центра: посев картошки, выделка ваксы и человеческая жизнь. Обслуживание этой чудовищной централизации потребовало огромное количество лиц, сложился многочисленный класс бюрократии, располагающий диктаторскими правами, т. е. мы имеем бюрократическую деспотию, диктатуру бюрократии. Классовое происхождение бюрократии не изменяет существа диктатуры. Всякая диктатура — деспотизм, с деспотизмом же несовместимы никакие свободы, народ при ней имеет много обязанностей и почти никаких прав, поэтому в России сейчас уничтожены все элементарные человеческие права, все элементарные свободы, без которых не может существовать ни одно мало-мальски культурное общество, и без которых невозможен прогресс. Что представляет собою в политическом отношении Союз Советских Социалистических Республик? Чтобы ответить на этот вопрос рассмотрим политическое содержание этого «социалистического» союза.

В Социалистическом Союзе нет свободы печати, зато имеется страшная цензура; нет свободы слова не только для населения, но и для членов партии; нет свободы союзов и собраний; нет свободы мысли и свободы научных изысканий — каждый обязан мыслить по марксистки, как понимает марксизм правящая секта, научные исследования должны исходить и основываться на марксизме, даже при производстве сапог должны употреблять диалектический метод. Разве это не средневековый католицизм?!. А там, где нет свободы мысли, там нет и свободы совести и в России нет и этой свободы. Нет свободы воспитания и образования: большевистские школы это — католические семинарии. Нет свободы передвижения, свободы занятий, свободы инициативы, свободы литературного и художественного творчества—литература и искусство должны итти по руслу марксизма и быть орудием в руках партии-государства для агитации и пропаганды. Нет права неприкосновенности личности и жилища — эти права слишком буржуазны для социализма. Нет тайны почтовой корреспонденции — начальство должно знать что думают подданные социалистического союза. Само собой разумеется, где нет свободы печати, там нет и гласности, а где нет гласности, там нет и свободного общественного мнения. Нет тайного голосования, а следовательно, нет и свободы выборов. А там, где нет свободы выборов, не может быть и речи об общественном контроле и об ответственности учреждений и лиц. Нет политического равноправия, а следовательно, существуют классы или сословия: об'ем прав у крестьян меньше, чем у рабочих в области представительства; у политических противников коммунистической партии и у разного рода «государственных преступников» нет никаких прав и они образуют в коммунистическом государстве марксистов безправное сословие «лишенцев». Председатели советов стали губернаторами, а советы совещательными органами при этих губернаторах. Домовые комитеты пре-

вращены в отделения полицейских участков. В связи со всем этим в стране процветает полицейский произвол и шпионаж органов Г. П. У. Дома за гражданином Союза Советских Социалистических Республик следит председатель домового комитета, на работе — коммунистическая ячейка, на улице — профессиональный шпион тайного государственного розыска. Бессудность, расстрелы, заложничество, тюрьма, ссылка, моральные, а иногда и физические пытки — естественное следствие такого режима.

Национальная федерация, автономия национальностей и областей при такой страшной централизации — форма без содержания.

При господстве тайной дипломатии и при указанных свободах, советский гражданин более ограничен в вопросе мира и войны, чем гражданин любого конституционного государства.

Вместо всеобщего вооружения, прокламированного революцией, создана огромная централизованная армия, находящаяся в руках центрального правительства, милитаризована партия, милитаризируется юношество, в дополнении к наружной и тайной полиции созданы корпуса войск особого назначения — жандармерия.

Таковы итоги большевистского режима в политической области, куда еще не включено многое-множество подобных же завоеваний большевизма в интересах народа, свободы и социализма. Теперь, основываясь на этих итогах, мы можем ответить на поставленный выше вопрос. **При таком режиме никакой прогресс невозможен.** Этот режим, действительно отбрасывает нас к эпохе средневековой католической реакции. И несмотря на это нас призывают признать этот строй, примириться с ним, т. е. уговаривают добровольно продаться в рабство. Кто же на это может согласиться?! Попытаемся теперь подвести итоги большевистского режима в экономической области.

Положение трудящихся социалистического союза в экономическом отношении не менее печально, чем в политическом. Пролетариат лишен права забастовок, фабрично-заводские комитеты уничтожены, производственные союзы огосударствлены, следовательно, пролетариат лишен всякой возможности отстаивать свои экономические нужды. Государственные производственные союзы и органы управления государственной промышленностью выработывают уровень заработной платы, нормы выделки, расценки, условия труда и заключают коллективные договоры, не интересуясь мнением рабочих. Стачечники — государственные преступники, недовольные — подозрительны и, поэтому, лишаются работы и ссылаются «в места не столь отдаленные».

Форма заработной платы носит сдельный характер. Оплата труда разбита на много категорий, создающих в пролетариата ряд групп отличных друг от друга по своему годовому доходу, что культивирует в пролетариате рознь и раз'единение. Большинство рабочих прикреплено к предприятиям и не имеет права оставить их по своей воле. Восьмичасовой рабочий день, благодаря частому применению сверхурочных работ, во многих ударных производствах не существует. Заработная плата отстает от дороговизны продуктов первой необходимости. Введением пятидневной недели, рабочих лишили общего для всех дня отдыха, в который они могли бы встречаться и обсуждать дела Союза и свои лично. Охрана труда отнята от рабочих и передана комиссариату труда, уничтож. рабочее заводоуправление, уничтожена вообще коллегиальность и выборность управления производством и заменена единоличным управлением. Рабочий контроль над производством больше не существует. Крестьян насильственным образом загоняют в «колхозы», прикрепляют к ним и берут из колхозов в города рабочую силу гуртом, по коллективному договору с чиновниками колхоза. Кооперация стала придатком к торговым органам государства. Государство имеет монополию на торговлю и

жмет крестьян: покупает их продукт по дешевым ценам, а продает им городские изделия по высоким ценам. Земля — государственная собственность. Земельные комитеты крестьян уничтожены. Земледелие и промышленность организованы на буржуазном принципе экономического расчета, т. е. на эксплоатации и присвоении прибавочной стоимости государством, которую пожирает бюрократия. Промышленность, организованная по капиталистическому принципу, пользует и все капиталистические методы эксплоатации: фордизация, тэйлоризация и т. д. Пролетариат и крестьянство на все это отвечают пассивным сопротивлением, в результате промышленность подвигается вперед черепашьим шагом. В стране нехватка продуктов питания, — за 14 лет государство не может обеспечить своих подданных фунтом плохо выпеченного хлеба в день! — нехватка и в предметах первой необходимости городской промышленности. Строители коммунизма 14 лет бьются над уничтожением продовольственных очередей, хвостов, и не могут с этим справиться. Жилищный кризис, топливный кризис, транспортный кризис . . кризисы и кризисы без конца. . . Гнать надо таких строителей, гнать беспощадно!

По-истине, марксистское бытие определяет сознание. . . сознание русских трудящихся масс и это сознание горькое. Бытие определяет пролетарское сознание, что нужна новая, третья, революция, революция всеочищающая и всеисцеляющая, иначе большевизм, как гангрена, розложит и растлит неисцельным образом всю страну.

Однако, несмотря на все это, русская революция будет в этом столетии играть такую же роль для пролетариата, какую в прошлом столетии играла французская революция 1789-93 г.г. для буржуазии. Ее идеи станут, уже становятся, точкой прицела двадцатого века.

О, конечно, это — не те идеи реакции, которые пропагандирует Коминтерн по всему миру и которые большевизм насаждает в России. Нет, это — идеи, рожденные самой трудящейся массой, несумевшей, по недостатку организованности и сознания, удержать их воплощенными в реальных формах.

Идея советов, т. е. идея федерации свободных коммун, не умрет, не умрет уже потому, что она трижды пыталась воплотиться в жизнь. Несомненно, пролетариат ныне понимает (или начинает понимать), что под коммунизм, под федерацию вольных советов, коммун — институтов, гарантирующих свободу — необходимо подвести базис экономического равенства. И снова, в третий раз, воскреснут, чтобы больше не умирать, фабрично-заводские комитеты, в распоряжении федерации которых окажется вся материальная сторона жизни, т. е. фабрика станет производственно-потребительской коммуной.

Федерация вольных советов-коммун, федерация фабрик, как производственно-потребительских коммун — вот ближайшие цели ближайшей революции.

Да, русская революция умерла, но идеи ее живут и готовят новую уже победоносную, всеочищающую и всеисцеляющую революцию.

Не будем же падать духом и предаваться унынию при виде торжества, временного, точнее - кратковременного, международной реакции и пусть будет нашим кличем:

Революция умерла, да здравствует революция!

Г. МАКСИМОВ.

„НОВЫЕ" МЕТОДЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СССР.

(Речь Сталина на совещании хозяйственников 23-го июня 1931 года)

Выступление Сталина на совещании хозяйственников 23-го июля с. г. задевает всякого честно мыслящего рабочего. Своей речью, о которой много писали — в СССР советская пресса, а заграницей буржуазная — он несомненно оскорбляет

лучшие социалистические чаяния рабочих. Обратимся к этой речи.

Основная мысль, проводимая в ней, состоит в том, что в настоящее время в СССР создалась «новая обстановка, требующая новых приемов руководства», что «новые условия развития промышленности требуют работы по новвому». ,

Каковы же эти новые условия, новая обстановка и новые методы работы, намечаемые Сталином?

Новая обстановка состоит, по Сталину, в том, что крестьяне, организованные в колхозы и наделенные сельхозмашинами, **осели** в деревне и не идут более самотеком в города, куда они ранее поставляли в неограниченном количестве рабочую силу. Отсюда — недохватка в постоянной устойчивой рабочей силе в промышленности городов. Чтобы бы это преодолеть Сталин советует набирать рабсилу в порядке договоров с колхозами и **механизировать** труд промышленности.

Сталин далее говорит о заработной плате рабочих, об из рук вон плохой организации труда на целом ряде предприятий, о чрезмерной текучести рабочей силы на предприятиях, о необходимости создания технической интеллигенции из самих рабочих. Но ничего нового во всем этом нет. Новое состоит лишь в усилившейся **текучести** рабочих на целом ряде предприятий.

«На целом ряде предприятий— говорит Сталин — текучесть рабочей силы не только не исчезает, а, наоборот, растет и усиливается. Во всяком случае мало вы найдете предприятий, где бы не менялся состав рабочих в продолжении полгода или даже квартала, по крайней мере, на 30-40%».

Следует слегка вникнуть в слова Сталина, чтобы почувствовать опасность, висящую над высокими темпами советской промышленности. При текучести рабочей силы на предприятиях, доходящей до 30-40% в квартал, невозможны не только высокие темпы работы, но невозможна вообще сколько-нибудь организованная устойчивая работа. Об этом очень красноречиво свидетельствуют цифры, приводимые Сталиным. — «Есть отрасли промышленности — говорит он — которые дали прирост продукции за истекшие пять месяцев в сравнении с прошлым годом в 40-50%. Есть отрасли, которые дали минимальный прирост — каких нибудь 6-10%. К числу последних следует отнести угольную промышленност и черную металлургию».

Что означают выше приведенные данные? Они означают, что ряд отраслей промышленности, и в их числе такие важные источники питания ее, как уголь и черная металлургия, далеко отстают от программ, выработанных для них пятилетним планом. В этом таится угроза всему пятилетнему плану.

Мы не думаем, что от невыполнения пятилетнего плана в срок хозяйство СССР серьезно пострадает. То, что не удастся выполнить в пять лет, будет выполнено в шесть лет. Пролетариат СССР будет существовать и будет выполнять не одну, а много производственных программ. Сроки здесь играют второстепенную роль. Главную роль играет и будет играть **то место**, которое русский пролетариат занимает в деле хозяйственного строительства страны. Будет ли он хозяином своего собственного дела или он в этом деле будет подчиненным, живущим в условиях, которые ему создает начальство, и выполняющим работу, план которой дается ему свыше, — вот вопрос. Лучший ответ на этот вопрос дает сам Сталин. Столь же хорошим ответом на него является ход строительства в СССР и отношение к нему широких рабочих масс. Этот ход бывал то быстрым, перевыполняющим намеченные планы, то замедленным, далеко отстающим от плановых заданий. Отношение рабочих к нему вначале было ударническое, приподнято-энтузиатское, но затем оно пошло на убыль и сменилось прохладным, а то и равнодушным отношением к заданиям соц. строительства, — не во всех слоях рабочего класса, но в очень и очень

значительных его частях.

В чем же дело? Почему отношение рабочих к соц. строительству меняется настолько, что руководители сов. правительст. вынуждены искать новых методов управления производством? Почему рабочая масса беспрерывно движется в производстве, хорошо понимая, что, благодаря постоянной текучести рабоч. силы, нужные темпы соц. строительства не будут выполнены? Ведь всякий рабочий, проведший несколько лет в хорошо налаженном предприятии, понимает, что предприятие может работать бесперебойно и прогрессивно в том только случае, если оно обеспечено кадром постоянных рабочих, знающих свое дело, свои машины и систематически ухаживающих за ними. Частая смена рабочих на предприятиях, сопряженная с продолжительным обучением вновь поступающих, механически подрывает темп работ на предприятии. Между тем, на советских предприятиях смела рабочей силы происходит почти беспрерывно, создавая огромную опастность производственным планам, выработанным в правительственных учреждениях.

—«Раньше, в период восстановления промышленности, говорит Сталин — когда техническое оборудование было у нас несложное, а масштабы производства не велики, — можно было кое-как «терпеть», так называемую, текучесть рабочей силы. Теперь, в период развернутой реконструкции, когда масштабы производства стали гигантскими, а техническое оборудование до крайности сложным, текучесть рабочей силы превратилась в бич производства, дезорганизующей наши предприятия».

Если мы припомним, что по данным Сталина, наименьший прирост продукции дают угольная промышленность и черная металлургия: — «6-10%, а то и меньше» — то нам станет ясно, что именно в этих областях совхозяйства происходит наибольшая текучесть рабочей силы, принимающая временами характер бегства рабочих с этих, наиболее тяжелых, областей народного хозяйства.

Как руководители большевизма об'ясняют это явление? А вот как. Сталин задает вопрос совещанию хозяйственников: «Где причины текучести рабочей силы?» И отвечает: «В неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в «левацкой» уравниловке в области зарплаты... Уравниловка ведет к тому, что неквалифицированный рабочий не заинтересован переходить в квалифицированные и лишен, таким образом, перспективы передвижения вперед, ввиду чего он чувствует себя дачником на производстве, работающим лишь временно для того, чтобы «подработать» немного и потом уйти куда-либо в другое место искать «счастья».

В приведенном заявлении Сталина масса противоречий. Во первых, никакой уравниловки в зарплате у большевиков никогда не было и теперь ее нет. Наоборот, всегда существовала большая разница в плате труда рабочих квалифицированных и неквалифицированных. Мы уже не говорим о техническом персонале:—инженерах, техниках и всякого рада спец.—ответственных и заграничных; не говорим о бесчисленных «работниках искусства», получающих несколько раз больше рабочих, выполняющих тяжелый физический труд. Эти работники умственного труда находятся в СССР, как и во всяком буржуазном государстве, в особо привилегированном положении в сравнении с рабочими ручного труда. Нет, но даже в пределах ручного труда у большевиков всегда существовали различные категории зарплаты. Квалифицированные рабочие в системе советского хозяйства всегда оплачивались и оплачиваются лучше неквалифицированных. При этом большевики оправдывали такое положение вещей, притензиями квалифицированных рабочих, якобы требовавших себе бельшого вознаграждения за труд, нежели рабочим неквал. Отметим здесь, что в истории русской революции подобных претензий и требований со стороны неквалифицированных рабочих, как категории, никогда не было. Возможно, конечно, что отдельные одиночки

шкурники из квалифицированных стояли за то, чтобы их труд лучше оплачивался, но подобные шкурники никогда не осмеливались в годы революции выступить с подобными требованиями, ибо революция находилась в руках широких масс труда, знающих, что такое тяжелый труд неквалифицированных и стремившихся оплату его приравнять к оплате труда квалифицированных. Лишь власть господствовавшей партии, преследовавшей свою особую политику в этом вопросе, насильственно установила различные категории в области заработной платы. Это являлось большой несправедливостью в отношении неквалифицированных рабочих и против этого наиболее передовые в политическом и моральном отношении рабочие всегда протестовали и будут протестовать.

Далее, следующее противоречие Сталина. Если, как он утверждает, причиной текучести рабсилы является уравниловка, то какой смысл неквалифицированным рабочим, приравненным, по его словам, к высокой ставке квалифицированных, бросать одно место и искать «счастья» в другом? Какое счастье он будет искать и где он его найдет, раз он уже приравнен к ставке квалифицированного?

Ниже Сталин говорит, что не только неквалифицированные, но «квалифицированный рабочий вынужден переходить из предприятия в предприятие для того, чтобы найти, наконец, такое предприятие, где могут оценить квалифицированный труд должным образом».

Выходит, таким образом, что не только неквалифицированные рабочие бегают с предприятия на предприятие в поисках «счастья», но в такой же степени этим делом занимаются и квалифицированные рабочие, и что причиной всему этому является уравниловка. Так об'ясняется факт всеобщей текучести на предприятиях. Об'яснение это слишком слабое, простоватое, ничего не доказывающее и никого не убеждающее. Как вся партийная диктатура, оно состоит из противоречий, насильственно связанных между собою.

Какой же вывод делает Сталин из факта всеобщей текучести на предприятиях, какие меры предлагает он в борьбе с этой текучестью? Он предлагает — «отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему». В переводе на язык фактов это означает — провести еще более резкую границу между категориями квалифицированных рабочих и неквалифицированных.

«В каждой отрасли промышленности — говорит Сталин — на каждом предприятии, в каждом цехе имеются ведущие группы более или менее квалифицированных рабочих, которых надо закрепить за производством прежде всего и главным образом, если мы действительно хотим обеспечить постоянный состав на предприятиях. Они, эти ведущие группы рабочих, составляют основное звено производства. Закрепить их за предприятием, за цехом — значит закрепить весь состав рабочих, подорвать в корне текучесть рабочей силы. А как их закрепить за предприятием? Их можно закрепить лишь путем выдвижения их вверх, путем поднятия уровня их зарплаты, путем такой организации зарплаты, которая воздаст должное квалификации работника. А что значит выдвинуть их вверх и поднять уровень зарплаты? Это, значит, кроме всего прочего, открыть перспективу для неквалифицированных рабочих, дать им стимул для продвижения вверх, для продвижения в разряд квалифицированных».

В дополнение к этому Сталин предлагает покончить с остатками коллегиального управления в крупных промышленных трестах, имеющих в своем составе по 100-200 предприятий, перейти к единоличному управлению, подобно тому, как это сделано на отдельных предприятиях.

Итак, рабочий класс СССР получает: — а) единоличное управление трестами, б) единоличное управление предприятиями; в) группы привилегированных квалифицированных рабочих, закрепленных на предприятиях повышенной оплатой их труда;

г) и, наконец, широкие массы неквалифицированных рабочих, имеющих право выдвигаться наверх, в ряды квалифицированных, и получать там лучше оплачиваемые места, и сверх того, потогонную систему сдельщины—таковы новые методы, управления промышленностью в СССР, выработанные Политбюро и возвещенные Сталиным на собрании хозяйственников.

Вопрос о «настоящей», «хозяйственной» организации труда на предприятиях, ВКП ставит не впервые. Совсем недавно — два года назад — Центр. Ком. ВКП издал циркуляр, в котором, отмечая несовместимость коллегиального управления с заданием власти, предписывал ввести режим единоличия на фабриках. «Как аппаратом управления, так и всеми организационно-техническими процессами, руководит администрация (директор)», а профсоюзы могут заслушивать регулярно отчеты администрации, изучать материалы по производству и выносить свои предложения, но они «не должны вмешиваться непосредственно в руководство предприятием». Так гласит постановление ЦК ВКП от 7 сент. 1928 г.

Мы видим теперь, что этот режим единоличия не осуществил возлагавшихся на него советской властью задач, и что два года спустя глава компартии вынужден вновь сигналзировать опасные моменты в производстве. Но странное дело, подобно слепому, он хватается за те же самые средства, которые недавно пробовал и которые оказались битыми жизнью. С таких гигантов промышленности, как как угольные бассейны и черная металлургия, рабочие массы бегут в течение ряда лет. Казалось бы вопрос чрезвычайно прост: надо изучить причины бегства и постараться затем эти причины устранить. Ведь всякому младенцу ясно, что массы бегут из Донбаса и других тяжелых отраслей промышленности только потому, что тяжелы условия работы там, что энергия и жизнь работника сгорают там, не получая необходимого возмещения, Никто сам себя не обречет на положение пария в жизни и всякиий будет искать тех условий, которых он достоин и которых заслужил своим трудом. Это и делают массы рабочих угольной и черно-металлургической промышленности. И не только они, но все рабочие, живущие в тяжелых условиях и считающие себя обойденными, обворованными существующим порядком вещей.

Никто не заподозрит Троцкого в симпатиях к анархизму, но в данном случае его критика речи Сталина во многом подтверждает наши слова. Он пишет: «От добра добра не ищут. Рост текучести означает, что в условиях, сложившихся на третьем году пятилетки, рабочим массам не по себе... Приток рабочей силы из деревень в города прекратился не потому, что крестьянство достигло какого то идеального благополучия, а потому, что **положение Рабочих,** — надо это сказать честно, ясно, открыто, — **чрезвычайно ухудшилось за последнее время».** (Подчеркнуто у Троцкого). И Троцкий делает предостережение руководителям большевизма: «Не надо себя обманывать: физические кочевания рабочих могут стать предпосылкой политических кочеваний». («Бюллетень Опозиции», №23).

Таково положение вещей, таков факт. Смешно от него прятаться и замазывать его. Казалось бы, надо все силы употребить на максимальное улучшение условий жизни всех рабочих и в первую очередь рабочих тяжелых отраслей промышленности. Надо возместить шахтеру огромное количество затрачиваемой им ежедневно энергии. Надо обеспечить рабочих полным продовольствием. Надо предоставить им жилища, где бы они могли получить нормальный отдых после своего тяжелого труда. Надо дать им возможность удовлетворения их культурных запросов. Надо, наконец, возвратить массам и их профсоюзам право самим руководить промышленностью и всем хозяйством страны.

Только так, а не делением пролетариата на категории привилегированных и непривилегированных, можно построить

социалистическое хозяйство и установить подлинно-социалистические отношения среди трудящихся.

Но не так поступают руководители партийно-верхушечной диктатуры. Они не изучают причин бегства рабочих с предприятий, из более тяжелой отрасли в более легкую, в поисках счастья. В тайниках своих канцелярий они разработывают меры, целую систему бюрократических мероприятий, которая должна, во что бы то ни стало, несмотря ни на что, закрепить рабочих за предприятиями.

Что это означает?

Это означает, что за многолетний период бесконтрольного властвования эти люди **Разучились мыслить социалистически**, забыли, что к социалистическому делу надо подходить с социалистическими методами. Они мыслят административно, бюрократически. Распоряжениями и циркулярами своей маленькой группы они надеются вести жизнь туда, куда хотят. В этом причина трагических противоречий их с жизнью широких масс труда.

Чего, собственно, добьются руководители большевизма мероприятиями, изложенными в речи Сталина?

Они создадут кадр привилегированных рабочих, — «рабочую аристократию», которая, очевидно, по мысли вождей большевизма, должна стать опорой их партийно-верхушечной диктатуры. Но разве это есть решение социальной проблемы? Разве это хоть на йоту изменит общее положение масс, ищущих своих производственных и политических прав в СССР и пока что не находящих их? Безусловно нет. Надо думать, что роль рабочей аристократии сведется к тому, что она будет подстегивать широкие массы неквалифицированных, будет помогать администрации закрепить их на предприятиях в качестве нисшей категории пролетариата.

Сталин утешает эту категорию пролетариев тем, что каждый из них может продвинуться в ряды квалифицированных и тем самым улучшить свое экономическое положение. Этот довод очень смахивает на известный довод буржуазных экономистов, которые утверждают, что в капиталистическом обществе любой рабочий и крестьянин имеют право продвигаться в ряды предпринимателей и государственных деятелей. В доказательство этого буржуазные политики приводят даже примеры. Суть дела состоит, однако, в том, что продвинуться в ряды предпринимателей и государственных деятелей могут лишь некоторые единицы из рабочих и крестьян. Рабочий класс в целом остается классом, работающим на предпринимателей капиталистического общества. В противном случае последнее перестает существовать. Точно то же мы находим и в доводе Сталина. Продвигаться в ряды квалифицированных рабочие, конечно, будут. Но вместе с тем во всех областях промышленности остается работа, выполняемая неквалифицированными. И такой работы всегда будет большая часть, и, следовательно, всегда в предприятиях будет иметься большая часть рабочих, относимая к категории неквалифицированных. И вот эта большая часть пролетариата сознательно ставится в положение пасынков советского хозяйства. Но это означает, что под советское хозяйство подводится гнилое основание. Широкие массы труда никогда не помирятся с таким несправедливым положением. Они совершили социальный переворот в стране, знают во имя чего они его совершили, и на мякине хозрасчета и оплаты труда по квалификации их не проведешь.

Жизнь нельзя обмануть. Нельзя обмануть массы, говоря, что они являются творцами и хозяевами новой жизни, и держа их в то же время на положении без'язычных исполнителей воли партийного чиновничества. На опыте 14-ти лет своей диктатуры компартия должна была бы убедиться в том, что система партийно-чиновничьей диктатуры лишь тормозит социалистическое строительство, не дает массам возможности встать на ноги и развернуть их гигантский творческий гений. Но массы живут, движутся. Вдохновленные ве-

ческой идеей своего освобождения, они, как непокорные волны, будут вечно двигаться, разрушая одно за другим препятствия, стоящие на пути их свободы, независимости и самодеятельности.

Тот клубок противоречий, который большевики создал в рабочей среде своей узко-партийной диктатурой, может быть распутан лишь возвращением рабочим массам всей полноты их хозяйственных и политических прав, узурпированных ныне небольшой кастой политических деятелей. Лишь на путях активного творчества самоуправления масс и их экономических организаций, на путях широкой рабочей демократии и рабочего коммунизма возможен выход из тупика, в котором пребывает пролетариат СССР, возможно укрепление его свободы, как всего класса производителей. На этот путь зовет трудящихся революционный коммунистический анархизм.

П. АРШИНОВ.

КРИЗИС И РАБОЧИЙ КЛАСС

Обращаясь к имущим слоям г. Филадельфии с воззванием о необходимости более энергичной поддержки фонда помощи безработным, мэр этого города — Мэкей — заявил, что если таковая помощь не будет оказана в соответствующих размерах, то ему, вероятно, придется бы ввести военно-осадное положение в целях подавления возможных голодных бунтов».

Это обращение выделяется из сотен других воззваний только резкостью и откровенностью тона, но в остальном оно является типичным для многочисленных воззваний такого же рода, выпускаемых всевозможными обществами, городскими властями, церквями и разными политическими организациями. Каждое такое обращение является яркой иллюстрацией к сухим и недостаточно убедительным статистическим данным все углубляющегося кризиса, криком отчаяния людей, близко столкнувшихся с безысходной народной нуждой. Больше четверти городского населения вот уже больше года выбито из жизненной колеи, главные отрасли народного хозяйства находятся в состоянии паралича, стальная, автомобильная, текстильная и угольная промышленности сократились чуть ли не до трети естественного своего объема. Фермерское население до того разорено послевоенным кризисом, что достаточно было одного неурожайного года, чтобы ввергнуть богатейшую земледельческую полосу — мировую житницу — в ужасы настоящего голода, от которого население, по заявлению многих экспертов, не оправится в течении десятка лет. И вот, когда некоторым людям приходится сталкиваться с последствиями такого экономического кризиса, у наиболее честных и добросовестных из них, помимо и вопреки служебным соображениям, вырывается неподдельный крик отчаяния и предостережения против нарастающего народного возмущения «Помогите немедленно, безотлагательным образом помогите, а то пулеметы в ход придется пустить» — вот смысл всех этих воззваний и обращений.

Эти обращения и предостережения остаются однако гласом вопиющем в пустыне. По заявлению этого же мэра города Филадельфии фонд помощи безработным поддерживается главным образом рабочими массами, «богачи же ограничиваются крохотными подаяниями или же уезжают на благодатный юг, куда мольбы о помощи не достигают их совсем». «Наши имущие классы — пишет популярный журналист Гейлуд Броун — наглухо закрыли уши свои для всяких воззваний о помощи безработным, им надоело слышать о голодающих, их чувство жалости, поскольку оно у них имелось, уже совсем притупилось». Американская буржуазия — самая жестокая беспощадная в мире — нисколько не обеспокоена разоряющимися

кризисом. Для нее это — легкое облачко на доселе ясном горизонте хозяйственного преуспеяния. Она легко утешается всевозможными теориями, испекаемыми для ее потребления услужливыми профессорами экономических наук — теориями о неизбежности «циклов» в экономическом развитии, о космических солярных причинах такового. Она может преспокойно ждать пока кризис исчерпает себя, в чем — на основании самых грубых статистических приемов выведенья средней арифметической продолжительности прошлых кризисов — ее и заверяют прислужники ее из академического лагеря.

Американская буржуазия может это делать, ибо она за время кризиса не пострадала. В то время как доходы рабочего класса сократились на 8 миллиардов за 1930-й год, буржуазия увеличила свои доходы почти что на один миллиард за это же время. Всю тяжесть необычайного экономического кризиса, уже оставившего за собой даже страшный 1907-ой год, буржуазия целиком переложила на рабочие массы, забронировав свою долю до того прочным образом, что в то время, как газеты переполнены сообщениями о новых кадрах безработных, новом ряде закрываемых фабрик и заводов, регулярное выплачиванье дивидендов продолжается, как и впредь, часто даже превышая размерами своими предыдущие. До того регулярно дивиденды выплачиваются, что даже экономические обозреватели капиталистических газет должны были отметить странное для них явление, этот странный «разрыв» между действительным экономическим состоянием страны и исправной платежеспособностью крупных корпораций по отношению к своим акционерам. Странным, конечно, это может являться только с точки зрения буржуазных экономистов, для которых вся эта растуща пирамида дивидендов и облигационных процентов, обременяющая нашу хозяйственную жизнь, есть ни что иное, как естественная функция экономической деятельности. Для них — всех этих псевдоученых, изощряющихся в подведении этического фундамента под нашу грабительскую систему — для них не существует факта классовой борьбы за распределение народного дохода, факта отмеченного здесь, в Америке, кровавым следом бесчисленных народных жертв. Они потому и не могут знать, что до сих пор побеждавшая в этой борьбе американская буржуазия сумела до того усовершенствовать свою сложную систему грабежа и обирательства, что никакие потрясения в отправлении хозяйственного организма не смогут поколебать ее положения. Свой Шейлоковский фунт мяса она вырывает даже и в наитягчайших условиях жестокого хозяйственного кризиса. Она выигрывает во время экономического под'ема, она умудряется увеличить свои доходы и во время депрессии.

За время последнего под'ема 22-27-ых годов, столь нашумевшей «просперити», прорекламированной как начало новой эры, как преддверие полного уничтожения нищеты, буржуазия сумела удержать в своих руках увеличившуюся долю национального дохода, созданную действительно феноменальным промышленным прогрессом этих лет. За исключением некоторых категорий, остальная рабочая масса нисколько не выиграла за это время, несмотря на огромные перемены происшедшие в экономической жизни страны, сравниваемые некоторыми экономистами с индустриальной революцией 18-го века. Это застойное состояние народного дохода и послужило причиной необычайной спекулятивной оргии, предшествовавшей нынешнему краху. Буржуазия была уверена, что ей удается и впредь держать доход народных масс на том же уровне, и что все будущие достижения гения и труда американского народа, весь сказочный рост богатств, создаваемых экономическим прогрессом страны, — что все они ей принадлежит, как дармовые заклад ной на будущие доходы нации. И она [illegible] закладывала и перезакладывала, бешенно их спекулировала, вздувая цены

настоящих акций чуть ли не в сто раз больше истинной их стоимости, *) предавалась неистовствам взбесившегося спекулянта, почувствовавшего свою власть— власть мертвого прошлого — над продуктом труда созидательного гения грядущих поколений.

Эта спекулятивная оргия кончилась тем, чем таковые кончались и в прошлом страшным крахом и экономическим кризисом. Но именно благодаря необычайному совершенству эксплуатационного своего аппарата, благодаря необычайной слабости американского рабочего класса, вся тяжесть этого краха обрушилась на народные массы. Буржуазия не только выиграла увеличением своей доли национального дохода, но она также приобрела, благодаря кризису, удобные стратегические позиции, с которых она собирается повести общефронтовое наступление на рабочий класс. Американская буржуазия деятельно готовится к тому, чтобы переложить на плечи народных масс всю тяжесть реорганизации народного хозяйства на основах большего приспособления к мировому рынку, к глубоко осевшему фундаменту мировых цен. Это приспособление диктуется с одной стороны тупиком, в который загоняется американское народное хозяйство внутренними своими противоречиями, могущими быть преодоленными на путях империалистического овладевания мировых рынков, а с другой стороны — всеобщим падением цен, считаемым всеми крупными экономистами естественным, хотя и запоздалым, процессом дефляции, который и оставит цены на том уровне, на котором они теперь и находятся. Но при стратегически-доминирующем положении американской буржуазии понижение цен может следовать лишь по единственной линии — по линии нажима на заработную плату. Из всех составных элементов цен, заработная плата является сейчас в Америке наиболее уязвимым и слабым, поддающимся в большей степени, чем другие, понижательному давлению цено-формирующих факторов. Дивиденды и проценты прочно забронированы, стали недосягаемыми для аттак; технический прогресс до сих пор несколько влиявший на понижение цен, все больше и больше капитализируется буржуазией уже построившей на основе таковой капитализации сложнейшую эксплуатационную систему сверх-прибылей. Она уже учитывает векселя будущего технического прогресса и за платежи его рабочему классу приходится расплачиваться сейчас и в ближайшем будущем.

Это неизбежное наступленье американской буржуазии на жизненный уровень рабочих масс облегчается той растерянностью и дезорганизованностью, в которой рабочий класс сейчас находится. Пред лицом страшного кризиса, грозящего смести последние остатки организованного сопротивления, рабочий класс обнаружил страшную беспомощность, присущую ему лишь в периоды глубокой общественной реакции Он беспомощен, ибо не смог противостоять капиталистической стихии, разлившейся по стране во время послевоенной «просперити». За это время рабочий класс растерял весь свой революционный капитал, нажитый с трудом героической борьбой предыдущего поколения. Самое могучее орудие рабочего класса — его социальный идеализм, массовая солидарность, бунтарское неприятие капиталистического мира, было выбито из рук его авангарда, продавшего права своего революционного первородства за ничтожные крохи, падавшие со стола богатевшей буржуазии. Капитализм победил не в открытой борьбе, но благодаря временному ослаблению морали рабочего класса, широко открывшему двери для развращающего влияния буржуазного мира. Подлая крысиная мораль мелких хищников и грабителей, личного преуспевания за счет общества, урывание для себя общего добра, захлестнули рабочие массы,

*) Цена акций некоторых корпораций упала с 2.000 дл... 18. А последняя цена и есть настоящая, соответствующая настоящей рентабельности предприятий.

сделав невозможным попытки их об'единения против растущей силы буржуазии. Эта мораль совершенно разложила рабочие проф. союзы, бывшие до сих пор коекакими оплотами в классовой борьбе. Ни в одной стране и ни в одном периоде американской истории рабочие проф. союзы не докатывались до такого открытого служения капиталу, как сейчас. Многие союзы попали в руи профессиональных преступников, (это особенно заметно в Чикаго), а там, где этого не случилось, обнаглевшая бюрократия открыто продает интересы рабочих организаций капиталистическим об'единениям. Даже авангард рабочего класса поддался развращающему влиянию этого периода. Социалистическая партия давно уже выродилась в группу «бывших людей», преуспевающих дельцов, собирающихся иногда для того, чтобы вспоминать увлечения юных дней своих. Самая мощная организация революционных рабочих — Инд. Раб. Мира, имевшая столько революционных битв в своем прошлом, распылилась сейчас, растаяла, стушивалась. Среди анархистов это приспособление к капиталистической действительности приняло уродливые формы, проявлявшиеся в попытках искажения анархического учения, превращения этого наиболее революционного учения, по своим глубочайшим истокам связанного с непримиримым бунтарством, — в защиту мещанского приспособленчества и самодовольного обывательства. А много ли истинной революционности в коммунистической шумихе, периодически замираемой и вновь гальванизируемой окриками из Москвы?

В непримиримой жесточайше-суровой классовой борьбе, требующей бдительности, упорства и закала, рабочий класс дал себя усыпить на короткий исторический период, и за это он жестоким образом расплачивается трагической беспомощностью пред лицом хозяйственной катастрофы, обрушившейся на него всей тяжестью, пред лицом готовящегося на него наступления, грозящего ему новой страшной формой порабощения — индустриальным феодализмом. Но в этом — и залог оздоровления. В глубоком трагическом опыте голодающих миллионных масс перегорают и рассеиваются мещанские иллюзии прошлого периода. Уже многими глубокими знатоками американского народа отмечаются признаки душевного перелома, далекий подземный гул начинающегося народного брожения. И анархистам подлинным народным революционерам — нужно глубоко, глубоко прислушаться к этому гулу.

Б—ский.

ГОСПОДА СЮДА-ТУДА.

Известный французский публицист Э. Лабуле в своей едкой политической сатире «Принц Собачка» остроумно и зло высмеивает государство со всеми его институтами «опекаемости» подданных. Он мастерски рисует «блестящую» фигуру бюрократа — главного министра Сюда-Туда. Другой тип чиновника - ретрограда не менее ярок: это генеральный прокурор —Болтай-Переболтай.

Граф Сюда-Туда измышляет разные законы, издает декреты и постановления, конечно, для «блага подданных». Он то-и-дело подписывает, подписывает и подписывает... по нескольку сот приказов в день. Он — великолепнейший администратор, в совершенстве владеет государственной машиной и всецело поглощен делами «величайшей» государственной важности: производством всех новых чиновников, их повышением, выколачиванием податей и неукоснительной «заботой» о подданных, т. е. предписанием ухаживать за грудными младенцами. У него все предусмотрено, все расчитано и все перенумеровано. В его государстве имена и фамилии людей заменены номерами.

Но чтобы злые языки и разные свободолюбцы не говорили хулительных слов на такое «идеальное» управление, при но

тором живые люди приравнены к бездушным частям или винтам огромной государственной машины, и дабы показать себя просвещенными либералами, что страна ротовеев обладает «гениальными» умами, составляющими оппозицию правительству, стремящуюся к ниспровержению существующего строя, — на сцену выходит мастистый Болтай-Переболтай, безукоризненно владеющий даром слова. Его назначение и обязанность — защищать интересы правительства и его политику. Он настолько искусен в своей профессии, так «гениален», красноречив и несравнен, что, не задумываясь, с места в карьер, станет защищать любой законопроект, не зная даже ни одной строчки его содержания! С таким же жаром, пафосом и не меньшим успехом он может выступать и против.

Если кто-нибудь думает, что тип чиновника-правителя в роде графа Сюда-Туда и кавалера Болтай-Переболтай свойсвенен одним лишь тираниям и диспотиям, то он глубоко заблуждается: Сюда-Туда и Болтай-Переболтай — универсальные типы, безотносительно к тому, какой масти бюрократ — монархической, республиканской или социалистической, — все они друг друга стоят. Их приемы и методы управления подданными — тождественны, эквивалентны: сюда-туда и болтай-переболтай.

Сюда-Туда и Болтай-Переболтай являют собою «шедевр» и совершенство любого правителя, бюрократа, политикана — крупного или мелкого — и захудалого невежи-краснобая. Конечно, такое утверждение можно оспаривать, указывая на то, что нет правил без исключения. Однако исключения подтверждают общее правило. И пусть неверующие Фомы обратят свой взор на современную «социалистическую» Россию. Что там делают так называемые «коммунистические» Сюда-Туда и Болтай-Переболтай? В каком положении находятся рабочие и крестьяне СССР?

Ведь в пролетарском государстве рабочие и крестьяне находятся на положении рабов по отношению к большевитским чиновникам. А правительство Сталина и Ко. играет в чехарду: одну программу внутренней политики сменяет другой, одну тактику сменяет новой. То военный коммунизм Ленина, насаждавшийся полицейскими мерами, то его же передышка — НЕП, то Потемкинские деревни Сталина, с ударами, загибами, перегибами, прорывами, уклонами и просто шатанием сюда-туда. Наконец, прикрепление рабочих к промышленным предприятиям и сгон крестьян в колхозы.

Разумеется государственное рабство прививается к людям неохотно: они сопротивляются всеми силами и средствами, а особенно сильные натуры. Из сопротивления вытекают лишения трудящихся элементарнейших свобод или прав: слова, печати, собраний, союзов, передвижений, выборов, манифестаций и выбора занятий, т. е. **коммунистическое государство уничтожает в человеке индивидуальность, его личность и превращает самого человека в нумер** графа Сюда-Туда. Отсюда и вакханалия коммунистических чиновников: свирепый произвол чекистов, поголовная нищета, голод, духовное убожество, атрофия чувства общественности и... кровавые пиршества ГПУ.

Кому же тогда нужны были миллионы кровавых жертв? Неужели лишь для того, чтоб на место сброшенного негодяя поставить другого? Разве трудящиеся массы боролись для того лишь, чтоб царских шпиков и жандармов заменить большевистскими чекистами и палачами?! к чему свелись достижения великой Русской Революции?

Большевитские Сюда-Туда и Болтай-Переболтаи вполне себя оправдывают: они нескупятся на посулы трудящимся, все обещают (благо, обещания эти равным счетом ничего им не стоят) и обманывают тружеников самым нагдым, бессовестным, лицемерным образом, мечась, как угорелые, и болтая.

Коммунисты-большевики так уверовали в своего единственного божка Карла Маркса, что по предписанным им и давно выцветшим рецептам стараются насадить

коммунизм при помощи массовых ссылок и «стеfок», упорно отказываясь понять уроки истории, что такие «коммунизмы» уже существовали и ничего хорошего людям не дали, кроме томления и скуки, как не дал еще ничего большевизм, кроме грабежей и расстрелов, — ни одного великого художника слова, мастера кисти, ученого, инженера, музыканта, артиста и т. д. По слепым, узко-сектанским, фанатичным убеждениям большевиков можно ввести коммунизм путем притеснений и лишения трудящихся СВОБОДЫ, ИНИЦИАТИВЫ и ТВОРЧЕСКОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ, т. е. посредством отнятия у рабочих и крестьян сих необходимейших условий человеческого прогресса, кремлевским заправилам удастся, по мановению ГПУ, насадить или установить на всей территории СССР коммунизм марксистского толка, забывая или не желая знать о том, что ЛЮДИ — НЕ НУМЕРА и отличаются от вещей своей психической жизнью, разумом и культурными приобретениями или ценностями.

Само собой понятно, что безобразный большевитский режим, при котором полицейский чурбан опекает душу, сердце и мысли труженика, мог породить лишь отвращение. Большевики это хорошо чувствуют и мечутся во все стороны, меняя программы почти ежедневно, но не могут нащупать твердой почвы. Поэтому и пустословят, болтают и перебалтывают, обольщая тружеников миражем ложных надежд.

Отсюда ясно видна вся несостоятельность государственного коммунизма и становится несомненной до очевидности его неудача. Действительный же коммунизм, основанный на взаимной помощи и кооперации, коммунизм безгосударственный или анархический, — не в интересах властолюбцев, ибо для них он невыгоден и вреден, т. к. в свободном обществе нет места правителям. Вот чего боятся, как огня, большевики: потерять власть и лишиться бесконтрольного распоряжения денежными суммами и самой жизнью рабочих и крестьян СССР.

Нам могут, конечно, возразить и скажут: критиковать большевиков легко, но что же вы предлагаете взамен большевизма? И почему это так вышло, что массы сделали революцию, а плоды ее пожали большевики? Почему большевики, не смотря на ненависть и отвращение к их режиму, все же правят Россией?

Ответим коротко: Россией правил царь с камарильей, а во время ломки — Гучков, Милюков, Керенский и... где же они?! Или задающие подобные вопросы хотят сказать этим, что раз правят, то, стало быть, такой строй является идеальным, верхом совершенства?!.. Если на это именно напирают, то сие утверждающие жестоко ошибаются, потому что существование того или иного режима еще не доказывает его пригодность, что так, мол, и должно быть и что таковой будет существовать вечно. Период длительности того или иного режима зависит от многих внутренних и внешних причин человеческой природы, создающей и разрушающей режимы.

Что наиболее достойно внимания, так это тот факт, что до сих пор революции давали очень мало, либо ничего не давали трудящимся массам, но зато много политическим партиям. Все это зависело оттого, что сами массы недостаточно ясно представляли себе цели, к которым стремились, и политические шарлатаны легко их подменивали своими целями. Так поступили и большевики, прекрасно выполняющие роли гг. Сюда-Туда и Болтай-Переболтаев. Они просто одурачили русских рабочих и крестьян, пожали плоды их революционных выступлений и, захватив власть, повергли их в «первобытное состояние» — в бедность и нищету.

Трудящимся надо, наконец, понять психологию политических шарлатанов всех мастей и рангов: тот всегда легко обещает вам все, кто ничего не дает и не даст, но сам берет и пожирает. Большевики великолепные мастера на всякие такие штуки. Этим они дали массам чувствительный урок, осязательную практику, которые че

пройдут бесследно, ибо разбили послед-нюю человеческую глупость — веру во всеспасающую власть даже коммунисти-ческих диктаторов.

Взамен большевизма, как мы упоминали выше, мы предлагаем анархизм, т. е такой социальный строй, в котором нет места насилиям и эксплоатации, но всякий человек, каждый индивидуум пользуется свободой, равными правами и развивает свою творческую деятельность независимо и вольно. Не государство, а ЧЕЛОВЕК нам дорог, ибо он представляет собою наибольшую и величайшую ЦЕННОСТЬ на земле.

Говоря о Болтай-Переболтаях крупного калибра, нельзя обойти молчанием мелких господ Сюда-Туда, водящихся не только на иерархической лестнице бюрократии, но и в рабочих организациях, в которые вносят дрязги и разложение.

Если верить аналогии, то русская колония в Америке представляет собою миниатюру России. Но аналогия, как известно, ничего не доказывает, а лишь иллюстрирует, поясняет. Посредством аналогии мы можем живее и ярче представить себе современную Россию, называемую большевиками СССР, хотя никаких там ссср нет, так как Москва — единственная владычица и правительница фиктивного СССР..

Однако перейдем к колониальным господам Сюда-Туда и Болтай-Переболтаям, отличительными качествами которых служат: их крикливость на собраниях, мелкое политиканство, вечная суетливость и усердное стремление показать себя «благодетелями» общества и «спасителями» рода человеческого. Суб'екты эти стараются везде быть первыми и непременными членами, если им выгодно это. Пользуясь отчасти невежеством и инертностью рядовых членов, отчасти неумением их разбираться в вопросах, колониальные Сюда-Туда и Болтай-Переболтаи часто водят за нос целые организации: плутуют, обманывают, лицемерят, но неизменно выставляют себя «мучениками» за общественное дело и в таком свете, что, мол, не будь их, — все бы пошло прахом! Это точная аналогия большевиков в России, которые, терроризуя рабочих и крестьян своей свирепой палаческой деятельностью, утверждают, что делается сие для их же (рабочих и крестьян) пользы и что, не будь их (большевиков), революция погибла бы! (?)

У колониальных Сюда-Туда и Болтай-Переболтаев имеются и другие характерные черты и признаки: часто ими практикуется хроническое ничегонеделание с сылками на жесточайшую эксплоатацию хозяина, но не «брезгают» жить подаянием эксплоатируемых. Ради достижения своих целей они в средствах не разбираются и способны на свякую подлост, гадость, низость, ложь и клевету; большие мастера устраивать обструкции, если публику нельзя взять хитрым маневром, и выносить свои резолюици от имени организации, как это делают большевики от имени русского народа.

Колониальные Сюда-Туда и Болтай-Переболтаи чаще всего бывают низкого культурного, нравственного и интеллектуального уровня, но всегда выдают себя за всезнаек, хотя, на самом деле, они полнейшие невежды, не прочитавшие ни одной хорошей научной книги и лепящие митинговые слова ни к селу, ни к городу. Суб'екты эти шумны, как тысячи пустых бочек, о которых можно сказать, что худое колесо громче скрипит. Своей внешней суетливостью они подчеркивают известное **«Мы пахали».**

Нередки и такие случаи, когда колониальные гг. Сюда-Туда и Болтай-Переболтаи, неспособные к творческой деятельности и часто перескакивающие из лагеря в лагерь, об'являют несогласных с ними «вредителями», «саботажниками» и проч., когда последние не желая напрасно грызться, уходят от них подальше. Для «реабилитации» и маскирования своей несостоятельности — им нужен козел отпущения, как в России большевикам, пришивающим свои преступления другим.

Рабочим организациям следует обратить серьезное внимание на раз'едающую их язву и очиститься от разлагающих элементов. Надо скрепить свои рабочие ряды в дружную, братскую семью, в мощный союз тружеников и общими усилиями отстаивать, бороться и завоевывать право на жизнь, свободу и благоденствие.

В единении — сила.

К. ФИЛИППОВИЧ.

ЗАЩИТА РЕВОЛЮЦИИ.

(КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ).

Термин „защита революции" не ясен и не определенен. Поэтому, прежде чем говорить о защите революции, выясним само понятие „революция".

В наше время революции совершаются очень часто, наше время очень урожайно на них — почти ежемесячно мы слышим о революциях или государственных переворотах в разных странах, я имею в виду страны Южной Америки. Народу от этих революций пользы мало. Такие перевороты обычно оставляют нетронутыми старые порядки и дают только новое правительство, новых лидеров или диктаторов, вот и все. Всякое новое правительство и его партия хвастают своими успехами и говорят, что народу под их управлением живется очень хорошо. Народ же, на самом деле, по прежнему стонет под гнетом и живет все в той же, а то и большей, нищете.

Каждое правительство, как правило, думает, что оно самое лучшее в мире, что только оно понимает народные нужды и стоит на страже его интересов, поэтому с захватом власти они считают революцию законченной и немедленно приступают к „строительству", т. е. к организации армии, милиции, полиции и т. п. Это строительство на их языке называется „защитой революции". И все это делается под вывеской „для народа и посредством народа". Но под народом они разумеют буржуазию, имущие классы вообще. Подлинный же, трудовой народ в счет не идет. Он им нужен только до захвата власти, тогда они обещают ему золотые горы, а после вместо золота дают свинец. Такие революции принято называть политическими революциями, которые ничего общего не имеют с революциями за полное освобождение трудящихся от ига капитала и власти.

В противоположность всем политическим партиям мы, анархисты, не обещаем дать народу свободу, мы вообще ничего не обещаем ему, как это делают партии всех оттенков; мы не обещаем борщ и кашу из одного котла. Мы говорим народу: бери сам и немедля, а мы тебе поможем, а если нужно и пример покажем. Мы не беремся вести народ, как слепца; мы желаем видеть народ не слепым орудием в руках политиканов, мы желаем видеть в народе каждую личность свободной, зрящей, сознающей свои человеческие права и достоинство. Мы хотим, чтобы каждый человек понял, что он не хуже других и имеет одинаковое право на жизнь и на радости жизни, как и все остальные. Когда народ это поймет и сознает, тогда никакие лидеры не закрутят ему голову и народ будет близок к анархизму. Тогда-то народ сам поймет что означает революция и свобода и что ее необходимо защищать и он будет ее защищать по собственному побуждению, а не по приказу. Следовательно, между политической революцией настоящего и социальной революцией лежит огромная пропасть.

Но как же защищать революцию и от кого? Когда наступит освободительная революция и народ уничтожит все старое, все институты порабощения как правительство, власть и государство, а также и частную собственность и устранит господство человека над человеком, то он одновременно с разрушением приступит и к созидательной работе, к организации жизни на новых коммунистических началах. Тогда, приверженцы старого порядка и иностранные буржуазные правительства, попытаются помешать нашему строительству новой жизни, пойдут против нас с оружием в руках. И мы, конечно, вынуждены будем защищаться тоже с оружием в руках. Мы не думаем насаждать коммуны с помощью оружия или власти, как это делают другие, но мы всегда будем готовы защищать наши права на устройство жизни по собственному желанию. Поэтому мы, анархисты, стоим за всеобщее вооружение восставшего народа. Армия должна быть распущена, вместо нее должны быть организованы партизанские отряды, когда в них будет ощущаться необходимость.

Лично я глубоко верю, что в будущей революции и в созидательной анархической работе главную роль будет играть не оружие, а слово, т. е. ум и здравый смысл будут сильнее всякого оружия. В этом меня убеждают примеры, имевшие место в Русской Революции. Так, германский военный штаб признавал, что русские революционеры побеждают не оружием, а агитацией и прокламациями, такое же признание было сделано и главою чехо-словацкой армии в Сибири. Затем не нужно забывать силу солидарности международного пролетариата. Мы видели какую братскую солидарность оказывал пролетариат почти всех стран мира русской революции, пока большевики ее не задушили — они устраивали забастовки протеста, огромные уличные демонстрации с криками: „Руки прочь от революционной России!" Они отказывались грузить военную амуницию, предназначавшуюся для войны с Россией, даже топили пароходы. И они, больше чем что бы то ни было, сорвали интервенцию и блокаду.

Да, агитация и слова любви и братства теперь играют громадную роль. Капиталисты давным-давно на

бросились бы на большевиков и на Россию, но они боятся. Чего же они боятся? Красной армии? Ничего подобного. Красной армии им не хватило бы даже на хороший завтрак. Они боятся рабочей солидарности и агитации у себя дома.

Суммируем все сказанное.

1) Анархисты против насилия, как системы, но они его признают в качестве самообороны и самозащиты, революция же является самозащитой от гнета капитала и власти не только пролетариата, но и всех трудящихся; она очищает путь для всеобщего прогресса.

2) Там, где можно употреблять агитацию вместо оружия и здравый смысл вместо насилия, мы не должны прибегать ни к оружию, ни к насилию.

3) Во время революции мы за всеобщее вооружение восставшего народа и за партизанские отряды, но народ должен понять, что это оружие для защиты его свободы, а не для подавления свободы других.

4) Здравый смысл, слова братства, свободы и любви должны быть сильнее в будущем обществе, поэтому каждый из нас должен перевоспитать себя духовно, чтобы скорее к безболезненной перейти в век разума.

ИВАН БЕЗЗУБЫЙ.

ПИСЬМО ИЗ ИСПАНИИ.

Барселона, 2 августа 1931 г.

Революционная забастовка в Севилье побеждена: 30 убитых, 200 раненых — таков итог кровожадных репрессий. Трудящиеся Андалузии требовали работы и хлеба, а демократическое правительство Заморы великодушно накормило их гранатами и пулями. Ждали и ждут, что вся трудовая Испания поднимется, чтобы протестовать против этих убийств и выразить свою солидарность с братьями Андалузии. В Барселоне со дня на день ожидали всеобщей забастовки. Но наиболее крупные синдикаты Барселоны не осмелились взять на себя ответственность за расширение событий, которые были бы решающими для судьбы рабочего класса и его организаций.

Однако, под наступившим наружным спокойствием чувствуется раскаленная атмосфера. Полиция и гражданская гвардия, вооруженные до зубов, беспрерывно снуют по улицам Барселоны.

В „Прат де Лобрегат", близь Барселоны, палачи Заморы лишь показали, каким образом правительство демократической республики относится к справедливым требованиям рабочих. Они атаковали рабочих из „Леда Барселоне", оставив на мостовых 12 человек раненых, большинство которых были женщины.

Штурм местных синдикатов, зверские аресты, обыски и т. д...

Замора может быть удовлетворен! Его приказы полностью выполнены. Он объявил войну СНТ (Национальной Конфедерации Труда), которая под владычеством новых господ Испании не имеет себе места. Чтобы покончить с Конфедерацией, он прибег к средствам, к которым не осмеливался прибегать даже Примо де Ривера.

Несмотря на незначительные скромные протесты нескольких социалистических и республиканских депутатов в Кортесах, Замора продолжает разрушать организации революционных рабочих. Это его сегодняшняя задача дня.

Активность Национальной Конфедерации Труда, ее сила, изо дня в день увеличивающаяся, серьезно беспокоят республиканское правительство. Наиболее умеренные его члены хотели бы, не восстанавливая против себя всю рабочую массу, приручить силу рабочих организаций. Бывший губернатор Барселоны Компанис заявил в Кортесах, что правительству необходимо обратить сугубое внимание на революционные элементы в Конфедерации („элементы беспорядка"), с которыми не следует смешивать „здоровые элементы" в Конфедерации.

Однако, Компанис и его республиканские коллеги жестоко ошибаются, надеясь противопоставить одну часть Конфедерации против другой.

Анархо-синдикалисты прекрасно понимают желания и намерения испанских социал-республиканцев и совсем не собираются идти им навстречу. Более чем когда либо они считают необходимым быть в сердце Конфедерации. Те, кого Компанис называет „здоровыми элементами" Конфедерации, были, с его точки зрения, менее смелыми и более склонными к оппортунизму.

Что в национальной организации рабочих (СНТ), насчитывающей в настоящее время около миллиона членов (из которых 400,000 в Каталонии), имеются не только смелые, но и робкие элементы — это вполне естественно и это не трудно понять. Но большинство испанской Конфедерации несомненно является определенно революционным. И новое правительство это хорошо знает. Вот почему перед опасностью этой революционной силы оно насильственно атакует рабочие организации дабы не дать им времени укрепиться, подготовиться и дабы полностью разоружить и обессилить их перед грядущей реакцией.

Не ограничиваясь средствами насилия, республиканское правительство прибегает к другому более дипломатическому оружию — оно стремится расчленить Конфедерацию. В этом, как я сказал выше, оно жестоко ошибается.

Я присутствовал на пленуме районной Конфедерации Каталонии, где крайне горячо обсуждали создавшееся положение и меры борьбы против провокации республиканцев. Я с удовлетворением констатирую, что подавляющее большинство делегатов, представлявших 150 синдикатов Каталонии, высказалось за революционную тактику. Некоторые требовали созыва национальной Конфедерации всех синдикатов, дабы решить вопрос о солидарных действиях. Все решение было по-

нума: пленум, в своем огромном большинстве высказался, что Районная Конфедерация Каталонии должна ответить на новую провокацию правительства всеобщей забастовкой, твердо надеясь на то, что ее примеру последуют рабочие всей Испании.

* * *

Сейчас положение чрезвычайно острое. Н. К. Т., находящаяся под постоянными ударами правительства, стоит перед лицом величайших событий и величайшей ответственности. Можно смело сказать, что в ее руках находится будущее испанского пролетариата.

Я преисполнен огромного доверия к уму и мужеству испанских анархистов и анархо синдикалистов. Несмотря на это, борьба еще не может быть равной, ибо в течении последних трех месяцев силы республиканцев укреплялись и вооружались с ног до головы.

Н. К. Т. пользуется огромным доверием испанских рабочих масс, которые видят в ней единственное оружие своего освобождения.

Сейчас ничего нельзя предсказать, но можно сказать, что правительство Заморы, несмотря на то, что оно получило доверие от Кортесов, стоит перед могучей революционной силой рабочих, которую оно не может сломить, не смотря на свои диктаторские претензии и замашки.

Иберийская Федерация Анархистов безостановочно ведет пропаганду идей анархизма в массах. Ее последняя политическая брошюра была распространена в Барселоне свыше, чем в 60,000 экземпляров. Вчера она организовала и провела митинг, на котором участвовало около 10,000 рабочих, и не несмотря на запрещение этого митинга правительством. В ответ на инсинуации депутата Компаниса все анархические ораторы заявили, что никогда деятели Иберийской Федерации Анархистов не покинут Конфедерации, как того хотело бы правительство социал-республиканцев.

Н. К. Т. и Иб. Фед. Ан. связаны между собою, как идейно, так и практической борьбой. Все забастовки последнего времени, как забастовка металлургистов, телефонная забастовка и другие, предпринимаются в общенациональном масштабе.

Чрезвычайно интересно проследить испанскую прессу и в частности крупную прессу республиканцев в Мадриде, где даются комментарии по поводу активности и численного роста Н. К. Т. Чувствуется огромное беспокойство перед растущим могуществом пролетариата и стремление всякой ложью и инсинуациями дискредитировать Конфедерацию. Один депутат социалист, Мануэль Альбар, разошелся до того, что начал утверждать, что Н. К. Т. находится в агонии разложения, что она не имеет никакой ни политической, ни социальной концепции в испанских событиях.

По поводу революционной забастовки в Севилье газета „Политика" в Кордове напечатала статью, в которой говорилось, что восстание было приготовлено главою каталонского правительства Массиа сообща с командиром Франко и . . . Н. К. Т.! И т. д. и т. д. Весь этот вздор пишется с единственной целью дискредитировать Конфедерацию и уменьшить ее влияние в массах.

Я уже говорил выше о пленуме районной конфедерации Андалузии и о решении, принятом на этом пленуме. Левая каталонцев в особенности беспокоится революционной позицией, занятой Конфедерацией, и она обвиняет анархические элементы Конфедерации в желании наложить анархическую диктатуру на рабочие организации, заявляя при этом, что последние могут жить и процветать только на „путях демократии".

Испанская буржуазия, находясь в крайне критическом экономическом и политическом положении — пезета падает со дня на день — не знает, куда склонить голову и хотела бы, по меньшей мере, нейтрализовать революционные силы Н. К. Т. Я говорю нейтрализовать, ибо буржуазные политиканы прекрасно знают, что полностью разрушить эту организацию им не удается.

Известный испанский писатель Рамон Сандер напечатал в „Ел Сол" — большом мадридском ежедневнике, сенсационную статью под названием: „Иберийская Федерация Анархистов, Массиа, революция и Н. К. Т.", в которой он выступил с горячей защитой Конфедерации и Иберийской федерации от выпадов клеветников. Невозможно полностью перевести его статью для данной корреспонденции, так как это потребует размера газетной страницы. Поэтому я ограничусь извлечением из нее наиболее существенных мест.

Рамон Сандер начинает с указания на абсурдность выдвинутых против Н. К. Т. обвинений в том, что она будто заключила соглашение с левой республиканской Каталонии. Подобное соглашение не может иметь ни малейшего основания в виду абсолютных принципиальных расхождений одной и другой стороны.

По поводу влияния Иберийской федерации на Конфедерацию писатель замечает, что синдикаты Н. К. Т. являются полными хозяевами в своей области. Если же между двумя организмами — Федерацией и Конфедерацией — существует известное принципиальное и практическое согласие, то это потому, что, преследуя одни и те же конечные цели, они естественно встречаются на общей почве борьбы. Но ни одна, ни другая организации не ищут славы или авторитета для себя. Ни та, ни другая не стремятся к преимуществу руководства в борьбе пролетариата с капитализмом.

Вопреки утверждениям республиканской прессы относительно силы и значения Н. К. Т. в Каталонии Рамон Сандер заявляет, что влияние последней со дня на день возрастает среди рабочих. Не Н. К. Т. нуждается в Массиа, а как раз наоборот — Массиа должен считаться с Н. К. Т. без чего его положение станет критическим. Массиа, впрочем, категорически отрицает какую либо связь с Н. К. Т.

Приведенные объяснения Рамон Сандер дал интеллигентной части испанского общества, которая в своем великолепном невежестве в области социальной действительности не понимает того, что общественная сила Н. К. Т. состоит не в мнении нескольких политических работников, но своими корнями держится в уме и совести всего рабочего класса Испании.

ЭМИЛИЕН МОРЭН.

МАКСИМ РАЕВСКИЙ.

(Некролог).

Из далекой России получилась печальная весть — умер Максим Раевский. Смерть настигла его внезапно. Правда, за шесть дней до кончины он жаловался на сердце, но врач не нашел у него грудной жабы. Одним словом, Раевский собирался не умирать, а отдохнуть, запастись силами и снова за работу, с этой целью он получил путевку, разрешение, на пять дней в дом отдыха. Смерть настигла его с путевкой в кармане. Раевский умер 19-го сентября в час дня, сидя в кресле за письменным столом, повидимому, смерть наступила от разрыва сердца.

О смерти и кремации было извещено в газетах в день самой кремации, поэтому многие из старых его товарищей и идейных друзей не могли попасть даже на церемонию кремации, вследствии этого у гроба покойного оказались люди идейно ему чуждые; они, а не идейные друзья, сказали надгробное слово. . . Грустно, печально сознавать, что Максима больше нет среди живых, не хочется верить, но факт, в виде горсточки пепла, оставшегося от еще нестарого, страстно любившего жизнь, умного и деликатного Максима, упрямо твердит свое. . .

Раевский несомненно незаурядная личность среди деятелей русского анархического движения второго призыва, к первому я отношу анархистов 70-х годов, группировавшихся вокруг „Начало", „Земля и Воля" и „Черный Передел", занимает очень видное и почетное место. Будущий историк русского анархического движения не сможет пройти мимо Раевского, не указав на его заслуги перед анархическим движением и перед русским пролетариатом.

Биографических данных о Раевском я не имею. Знаю, что он из зажиточной еврейской семьи, родился, кажется, в городе Нежине, Черниговской губернии, там же он окончил гимназию, высшее образование получил в Германии. В каком году он примкнул к анархическому движению не могу сказать. После 1905 года мы находим его в эмиграции, в качестве одного из редакторов журнала „Буревестник".

После Революции 1905 года в анархических рядах, как и теперь, была сильная потребность в переоценке и ревизии анархических принципов и тактики. В этой области Раевский внес ценный вклад. Он один из немногих горячо выступил против частных экспроприаций, бессмысленного „безмотивного террора", против утопической тактики вооруженного захвата какого нибудь города в целях организации показательной коммуны, долженствующей своим примером увлечь на этот путь все остальное население страны. Он порицал ненужную и бесполезную трату сил и жизней, которых требовала террористическая борьба с низшими представителями власти. Он требовал почти полного отказа от всех главных тактических положений, лежавших в основе деятельности большинства русских анархистов 1905 года и звал, в полном согласии с Бакуниным и Кропоткиным, к планомерной, более глубокой, сосредоточенной и осмысленной деятельности среди рабочих и крестьянских масс. И что анархисты должны признать, что профессиональные союзы суть ячейки будущего общества, а признав это должны признать и все проистекающие отсюда следствия — классовую борьбу и ее методы. В этом отношении любопытна его полемика с Александром Гроссманом, Иудой Рощиным (ныне коммунист) и отчасти с Гогелия (Оргениани).

В годы войны мы находим Раевского в Нью-Йорке в качестве редактора еженедельной газеты „Голос Труда", — орган союза русских рабочих Северной Америки и Канады. Во главе этого союза стоял покойный тов. Рода, человек очень энергичный и с большими организационными способностями. Рода сгруппировал вокруг себя всех наиболее способных эмигрантов, выделил из них лекционно-агитаторское ядро, при помощи которого обслуживал духовные нужды союза. Но газета не имела хорошего редактора, который смог бы придать ей определенное лицо. Таким редактором, по мнению Рода, мог быть Максим Раевский, и он выписал его из Парижа в Нью-Йорк.

Под руководством Раевского газета приняла определенное анархо-синдикалистское направление. Передовые статьи Раевского воспитали большой кадр хороших анархических работников, которые, вернувшись в Россию в 1917 году, играли самую выдающуюся роль как в анархическом движении, так и в самой революции. Таким образом, Раевского можно считать первым зачинателем синдикального анархизма на русской почве.

При первых раскатах революционного грома Раевский направился в Россию, но английское правительство, опасаясь революционной и анти-военной пропаганды в России, задержала его вместе с Троцким, Бухариным и Мухиным в Галифаксе; под влиянием революционного протеста Англия вынуждена была снять арест и разрешить дальнейшее следование в Россию. Мухин и Раевский поехали первыми с целью подготовить почву для издания „Голоса Труда" в России, за ними последовала первая большая группа возвращенцев, состоявшая главным образом из членов союза русских рабочих.

В России Раевский нашел полное анархическое безлюдье. Анархисты же, начавшие группироваться на даче Дурнова, в большинстве были анархически невежественны, весь их анархизм сводился к полному повторению тактики большинства анархистов 1905 года — они не признавали ни организации, ни организованного действия. Естественно, Раевский не мог с ними договориться. Поиски были направлены в другую сторону, в сторону возвращавшихся эмигрантов из европейских стран, среди которых он имел не мало старых знакомых и друзей. Однако переговоры с ними затянулись —казалось, что им не будет конца. „Европейцы", анархисты-коммунисты, не хотели уступить „американцам", т. е. синдикалистам, а последние европейцам. Успела

приехать первая партия эмигрантов из Америки, а дискуссия все еще продолжалась. Наконец, стороны сошлись на том, что они, как группа, кладут в основу програмы анархо-коммунизм-синдикализм, газета же „Голос Труда" будет называться органом анархо-синдикалистской пропаганды. Раевскому поручили выработать „Декларацию", которая, после нескольких дискуссий, была принята и потом напечатана в № 1 „Голоса Труда".

Когда решено было приступить к изданию газеты и начали выбирать редактора, то все единогласно согласились, что Раевский должен продолжать руководить газетой. Совершенно неожиданно для всех Раевский заявил категорический отказ. Целую неделю взяло, чтобы уговорить Раевского отказаться от своего отказа. Уступив настойчивому желанию всех, он приступил к выпуску № 1-го газеты. Все были уверены, что редакторский вопрос больше не существует. И были чрезвычайно поражены, когда, после выхода первого номера, Раевский категорично отказался от редакторства. На этот раз он настоял на своем. Здесь кончается активная анархическая деятельность Раевского — она прервалась также внезапно, как теперь внезапно прервалась его жизнь.

Раевский отошел от активной анархической деятельности, но не отказался от своих принципов, которые он сохранил незапятнанными до последнего вздоха. Несколькими днями позже он признался мне, что он не может вести газету в экстремистном духе, ибо он считает, что экстремизм, в данный момент, вреден для дела революции, он полагал, что мы должны занять позицию критики большевиков справа, а не слева. Но он еще не был уверен в своих выводах и потому, как честный человек, отошел в сторону, предоставив товарищам вести дело, как они понимали. Раевский живо интересовался всем происходящим в анархическом движении и часто, живя в Москве, заходил ко мне и другим товарищам, осведомиться и поспорить.

Раевский, кроме газетных статей, разбросанных по разным анархическим журналам, никаких печатных трудов не оставил после себя, но эти статьи имеют большую историческую ценность, так как они знаменуют собою большой исторический поворот в русском анархическом движении. И было бы хорошим делом, если бы русские товарищи собрали эти статьи и издали отдельной книгой, сопроводив ее очерком о жизни, деятельности и теоретических исканиях покойного товарища. Он заслужил это, он заслужил, чтобы память о нем сохранилась среди революционного пролетариата и деятелей анархического движения.

Да, смерть косить старую гвардию: за Кропоткиным ушел талантливый Гогелия (Оргеиани), за ним Черкезов, а теперь вот ушел и Раевский; правда, это все люди разного калибра, разного удельного веса, но каждый из них на своем месте представляет большую ценность, и потеря каждого из них наносит соответственный урон нашему движению. Печально еще то, что старая гвардия, уходит, а молодая, идущая ей на смену, душится в коммунистических казематах и физически гибнет в местах ссылки.

Дорогой и милый Максим, сожалея о безвременном твоем уходе из мира живых, который ты так страстно любил, я с чувством уважения и любви к тебе обнажаю главу и преклоняюсь пред твоими останками, перед теми частицами материи, которые, будучи скомбинированы соответственным образом, дали нам твой живой и незабываемый образ.

Г. МАКСИМОВ.

Интернациональный сборник.

«П. А. КРОПОТКИН и ЕГО УЧЕНИЕ».

Сборник посвящен десятой годовщине смерти Кропоткина, издан Федерацией Русских анархо-коммунистических Групп Соединенных Штатов и Канады. Сборник содержит 352 стр. 6x9, 16 иллюстраций. Цена 1 долл. без пересылки. Заказы направлять по адресу журнала «Дело Труда».

Из отзывов о сборнике.

— „Только что вышел в свет, по-русски, новый большой сборник о Кропоткине и его учении, содержащий массу богатого материала: большое количество писем, а также и фотографий... Это — ценный вклад в богатую литературу о Кропоткине. Сборник — такая книга, которая должна находиться в доме каждого человека, любящего свободу". (*„Фрайе Арбайтер Штиме", №29, Май 1931; Нью-Йорк).*

— „... Сборник очень удачно составлен, гораздо лучше, чем я ожидал..." *О. Яновский.*

— „... Мизам остался очень доволен сборником. Действительно, книга составлена так хорошо, что такой работой вы должны гордиться и я со своей стороны сердечнейшим образом поздравляю вас..."

Милли Виткоп-Рокер.

— „... Получил книгу. Она гораздо лучше вышла, чем я предполагал. Поздравляю с прекрасным сборником. Его даже и сравнить нельзя со сборником „Пробуждения".

А. Шапиро.

— „... Книга впечатление производит хорошее, серьезное и издана красиво. Ужасно жалко, что не удалось выполнить первоначальный план: изложение учения все-таки получается отрывочное и не затронуты целые области (этика, например). Но иначе было нельзя сделать — это очевидно, и теперь брюзжать на этот счет нечего. Так, как она есть, книжка будет несомненно ценным вкладом в нашу литературу; нужно только позаботиться об ее распространении..."

М. Корн.

— „... Я еще не успела внимательно прочитать сборник, это я сделаю в ближайшее свободное время в

тогда напишу, что я думаю о нем. Но я уже теперь вижу какие затруднения и тяготы нужно было преодолеть, чтобы собрать материал в такую внушительной формы книгу. Поздравляю вас. . ."

Эмма Гольдман.

— „. . . Поздравляю вас со сборником. Я представляю, какую бездну работы потребовала эта книга. Проделана большая и серьезная работа. Это — очень внушительное и красиво выглядящее издание — в полном смысле целая книга и содержит она много интересного о жизни, характере и пр. П. Кропоткина. Поздравляю с успешным выполнением предприятия. Надеюсь, сборник хорошо расходится.

„Одно упущение имеется в сборнике. . . не достает критической статьи о Кропоткине и мировой войне. . ."

Александр Беркман.

Отчеты.

ОТЧЕТ РЕДАКЦ. КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ «ДЕЛА ТРУДА»

Отчет по изданию № 62-63.

ПРИХОД:

Выручено от продажи журнала

Е. Соловьев, Кливланд—10 дол., Д. Душин, Монтреаль—3 д., С. Ерман, Сеймур, Конн.—1 д., А. Свободин, Нью-Йорк, 6 д. 70., из Южной Америки—6 дол., из Гамильтона, Канада, — 10 д., С. Летцер, Симвок, Колорадо, — 30 сент., А. Христов, Апула, — 1 дол., С. Володкин, Чикаго, — 28 дол. 60 сент., М. Ковалевич, Медисон, Илл., — 5 дол., В. Иванов, Чехословакия, — 3 д., Тричекс, Тулуза, Франц., — 1 д., А. Лисица, Монтевидео, Уругв. — 6 д. 63 сента, Ф. Серадоенков, Балтимор, — 8 д., Л. Лазарев, Рочестер, — 2 дол., И. Соколов, Юнгстаун, — 3 д., А. Маркин, Брайн, Кал., — 25 сент., А. Леонов, Лос-Анжелос, — 9 д., Б. Еленский, Чикаго, — 90 с., М. Ковалевич, Медисон, и Ст.-Луис, — 1 д. 50 сент., Всего: 106 д. 87 сент.

Членские взносы и добровольные пожертвования.

А. Свободин, Нью-Йорк, — 2 д. и 20 д., М. Ковалевич, Медисон, Илл., — 2 д., Союз русских раб. гор. Сан-Франциско, — 10 д., А. Лисица, Монтевидео, Уругвай, — 6 д., 63 с., Ф. Серадоенков, Балтимор, — 5 дол., М. Ковалевич, Медисон, Илл., — 5 д., Всего: 50 дол. 63 сента.

Общая сумма прихода: 157 дол. 50 сентов.

РАСХОД:

Клише П. Кропоткина и Ф. Геци — 6 д., 39 сент., экспедиция и мелкие почтовые расходы — 15 д. 88 с., типография — 125 дол., погашение дефицита по изданию № 60-61 — 9 д. 90 сент. Всего: 157 дол. 17 сен.

ПРИХОД, 157 дол. 50 сентов. РАСХОД: 157 д. 17 с. ОСТАТОК: 33 сента.

Отчет по изданию № 64-65

ПРИХОД:

Выручено от продажи журнала:

Н. Джин, Монтреаль — 6 дол., В. Григора, Виннипег, — 1 д. 20 с., Лычак, Акрон, — 5 д., А. Шуров, Кливеланд, — 10 дол., Федеративный секретарь — 33 дол. 60 сент., Гринн, Филад., — 10 дол., Ф. Куринский, Стелтон, — 1 дол., Соколов, Юнгстаун, — 10 дол., А. Лисица, Уругвай, — 5 дол. 60 сентов. Н. Лагота, Торонто, — 1 дол. Всего: 8 дол. 40 сентов.

Добровольные пожертвования:

Коган, Чикаго, — 2 дол. 50 сент., В. Григора, Виннипег, — 1 д. 75 сент., Жуков, Чикаго, — 50 сентов, Х., Нью-Гевен, — 1 д., А. Лисица, Уругвай, — 5 дол. 60 сент. Всего: 11 дол. 35 сентов.

Остаток от прошлого № — 33 сента. ОБЩАЯ СУММА ПРИХОДА: 95 дол. 8 сентов.

РАСХОД: Экспедиция — 11 дол. 32 сента. Мелкие почтовые расходы — 1дол. 50 сентов. Типография —95 долларов. Всего: 107 дол. 82 сента.

ПРИХОД: 95 дол. 8 сентов. РАСХОД: 107 д. 82 с. ДЕФИЦИТ: 12 долларов 74 сента.

ОТЧЕТ

Группы „Дело Труда" от 1-го января 1931 года по 15-е августа 1931 года.

ПРИХОД: Остаток от прош. отчета 10 австр. шил. От т. Янкова за „Д. Т." — 25 фр. От т. Соломона за „Д. Т." — 6 фр. От других товарищей за „Д. Тр." — 2 фр. От тов. Соломона за Кропоткинский сборник — 25 фр. Из присланных в 1927 г. ста долларов Нью-Иоркской группой для поездки товарищей в Америку занесено теперь в кассу „Д. Т." 60 д.—1,500 фр.

Всего прихода — 1,558 франков, 10 австр. шилл.

РАСХОД: Экспедиция „Д. Т." номеров 62-63, 64-65 — 78 фр. Газеты, журналы, дорожные 152 фр. 80 сн. Выдано т. Н. Махно 100 фр. Выдано т. П. Гонде на возвращение в Бельгию — 100 фр. Дефицит по отчету в № 64-65 — 213 фр. 40 сн.

Всего расхода — 765 фр. 20 сн. Остаток — 10 австр. шилл. 792 фр. 80 сн.

КАССА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПРИ ГРУППЕ „Д. ТРУДА".

В кассе оставалось: 174 фр. 45 сн.

Отослано т. Рошеру для заключенных в России анархистов — 7 дол. В кассе ничего не осталось.

ПРИМЕЧАНИЕ: Из ста долларов, присланных Нью-Иоркской группой 40 дол. были израсходованы ранее след. образом: 10 дол. были выданы А. Чернякову на его поездку в Буэнос-Айрес, 1 дол. пошел на расходы по приискании их, 29 дол. израсходованы на защиту тов. П. А. в момент его высылки из Франции.

РОЗЫСКИВАЮ:

По просьбе товарища, находящегося в советской ссылке, ищу т. т. Александра Яршева и Мураенко. Писать по адресу „Дело Труда" для Д.

Отчет о сборнике будет помещен в следующем номере „Дело Труда".